

Уважение к труду

На Вологодчине, в глухой, замирающей деревушке, был у меня дом. Гости в ту отрезанную бездорожьем деревушку добирались редко, и оттого всегда были желанны. Однажды ко мне через болота и дорожные хляби пробрался гость аж из Сибири, с моей Родины. Молодой, смущающийся, стихи пишущий журналист — Александр Щербаков.

Родом он с юга Красноярского края, из красивой и крепкой деревни Таскино. Мать у него колхозница, отец — колхозник и мастеровой человек, пимокат, столяр, чеботарь, садовод. Старший брат Александра погиб на войне, сестра Марфа — рабочая. Саша в семье десятый и самый младший. Учился он в районном центре — Каратузе, работал в колхозе на прицепе, штурвальным на комбайне, затем на тракторе. Позднее поступил в Красноярский педагогический институт, после

него учительствовал. Писать и печатать стихи начал в восемнадцать лет, или, как говорит он, — стал смолоду «мелькать» не только в районных, но и в краевых газетах. Вполне естественно, что его потянуло в журналистику. И вот, от кого-то прослышав, что я работаю над книгой о Сибири, прибыл он попросить у меня отрывки для газеты «Красноярский рабочий».

Я как раз заканчивал работу над «Царь-рыбой», отрывки Александру дал, и они были напечатаны в краевой газете. Уезжая, молодой стихотворец оставил мне небольшую книжку прозы. Это очень любопытная была книга — о деревенских ремеслах, как бы «вымерших» в силу революционных преобразований, часто плохо обдуманых и поспешных.

Безыскусно, со знанием дела — отец-то мастеровой! — Щербаков повествовал о стекольщиках, печниках, пимокатах, отыскивателях водяной жилы — копателях колодцев, о выделывателях шкурок, о плотниках, столярах, пильщиках и о многих-многих других людях и ремёслах, необходимых в деревенской жизни, хотя и охваченной прогрессом со всех сторон, скорее — с одного боку.

Очерки о ремеслах были так занимательны, что я прочел книжку залпом и посоветовал в письме автору не бросать работу такого рода, напомнить шибко урбанизированным русским людям, кто они и откуда. И давши молодому поэту «доброе пути» со стихами, я всё ждал и надеялся, что он продолжит ту славную, безыскусную книжку, из которой современный читатель узнает, как много надо знать и уметь деревенскому жителю. Ведь многим молодым людям дивной нашей современности сдается, что русский мужик на печи лежит и почесывается, а калачи сами на березах растут, мясо по лугу бегают, молоко ручьем в ведро льется.

Уважению к крестьянскому труду учила та книжка, к труду повседневному, всегда необходимому, при котором надо вставать до восхода солнца и ложиться спать при звездах — тогда и дом будет полная чаша, и за столом от ребят густо, и на столе не пусто.

Ту же линию ведет Александр Щербаков и в стихах, воспевая труд и трудового человека, да далекую «Таскинскую страну», которая навечно прикипела к сердцу и памяти. Иногда его стихи бывают резки, накаленны — это когда перо касается нашей достопочтенной действительности и современности:

*Все, что наше, убого и пресно,
Образцы только «там» создают.
Мы в восторге, что русские песни
Нам с заезжим акцентом поют.
«Надоели все ваши старухи,
Мужики от сохи и станка...»
Ужли столько в нас рабского духа —
Любим тех, кто поддаст нам пинка?»*

Но всегда почти они светлы и печальны, если речь заходит о далеком уже деревенском детстве, о родине:

*Что я в жизни открыл?
До чего докопался к сединам?
Все зависит от крыл,
На которых летать Бог судил нам.
Только чтоб до конца
Продержаться, остаться крылатым,*

*Прилетай в дом отца,
Дух лечи, ставь на крылья заплаты.
Походи босиком
По траве, по лесам и по пашням.
В горле чувствуешь ком?
Значит, ты человек не пропащий.*

То же и в прозе: «И вот я в последний раз закрыл ворота отцовского дома. Они захлопнулись глухо и печально. Захлопнулись навсегда. И навсегда остался за ними самый прекрасный, самый светлый и самый надежный мир, который называется родным домом...»

Ныне Александр Щербаков — член Союза писателей, печатается в газетах, альманахах, вышло у него несколько стихотворных книжек в Красноярске. Добротой согреты и стихи, и очерки, и рассказы Щербакова, бесхитростные, тихие, похожие на автора.

А в далекой вологодской деревушке, возле мною покинутого дома, растут два крепких кедра. После того, как молодой поэт и журналист побывал на Вологодчине, он прислал мне бандероль с кедровыми саженцами. Я их рассадил в огороде и по двору штук двадцать, но пошли подряд дождливые лета, и саженцы вымокли, однако два из них попали на «свою», каменистую почву, растут и радуют людей своим густым цветом, шорохом благоуханной хвои — сибирский, живой привет доброй вологодской земле, многих, в том числе и меня, обогревшей.

Александр Щербаков из числа тех, последних, наверное, «деревенщиков», что унесли в своем сердце частицу тепла из русской избы, свет чистых небес, яркие краски полей и лесов. Тем теплом согреты и многие строчки в книгах Александра Щербакова. Родина у нас одна, имя ей — Россия, солнце нас греет тоже одно, а память наша все еще живет там, среди сельских нив, лугов и пашен, в заснеженных заулках, в деревянной избе, полной своего родного народу, вечерних сказок, праздничных песен и вечного, негасимого света.

Виктор Астафьев

Коси, коса, пока роса...

Это я начал с народного присловья, употребленного Александром Твардовским в одной из поэм. А мог бы припомнить и строки Алексея Кольцова, знакомые нам с детства: «Я куплю себе косу новую, отобью её, наточу её...» Или Сергея Есенина: «Что-то шепчут грабли, что-то свищут косы...» Или непревзойденное описание косьбы Львом Толстым, в которой вместе с крестьянами участвует его герой-двойник Левин. Или замечательный рассказ Ивана Бунина «Косцы», насыщенный красками, музыкой и радостью артельного труда.

Наверное, никакой другой инструмент крестьянского обихода так не опозитивирован, не воспет вдохновенно, как она, коса вострая. И дело тут не в орудии труда как таковом, а в атмосфере, которая окружает его применение: летняя благодать, цветущие и благоухающие травы, пестрое многолюдые сенокосной страды, самой дружной и веселой из деревенских страд.

Ну, а сама-то коса незатейлива и проста. Однако я бы подчеркнул: гениально проста, как и многие крестьянские орудия, дошедшие до нас из глубины веков и

отмеченные народной мудростью и смекалкой. Что такое, собственно, коса? Не более чем длинный изогнутый нож для подрезания травы или хлебных стеблей. Но можно только догадываться, сколько веков билась изобретательская мысль крестьянина, чтобы найти один точный угол этой кривизны полотна, от широкой пятки до носка сходящего на нет, не говоря о прочих деталях.

Для пущей остроты лезвия полотно требовалось тончайшее, но в то же время и прочное, потому пришлось пустить по кромке утолщенный бортик, полегче сделать носочек и помассивней пятку. Именно этой пяточной частью косу насаживают на древко, называемое в народе по-разному: косовище, косьевище, косовье, косье и даже окосье. Мне доводилось видеть старые косы, довоенного и военного образца, которые насаживались просто с помощью кольца и клина. Элементарные кольца ковались в нашей сельской кузнице. А уж потом, после войны, когда ожили сельмашевские заводы и пошел в кооперацию разный скобяной товар, появились специальные хомутики с болтиками-гаечками, которыми можно понадежней притянуть косу к косовищу, не прибегая к клину и расклиниванию.

Вообще, насадка косы — дело довольно хитрое. Это не просто закрепление её на косовище, но верная установка, требующая навыка и чутья. Задерешь носок кверху — быстро порвешь косу, ибо угол среза будет слишком широким, а пригнешь к рукояти — захват потеряешь. Конечно, угол насадки во многом задан уже пяточным отрожком косы, но и самому сообразать надо.

В моем селе Таскино древко зовут косовищем, поэтому и мне более привычно это название, чем остальные. Требования к косовищу очевидны. Оно должно быть прямым, легким и достаточно крепким. Трудно найти идеальную древесину, которая бы совмещала все эти качества. По легкости, пожалуй, нет равных осиновой. К тому же в густом осинничке растут отменно стройные деревца, почти готовые косовища. Однако осина тем плоха, что слишком мягкая, и коса на ней, как ни крепилай, быстро разбалтывается. Поэтому у нас чаще используют березовые косовища. Они прочнее, жестче. Ну, а чтоб еще и легкими были, надо соковыё (то есть осоченные, ошкуренные палки) готовить заранее, подольше высушивать его. Желательно — под навесом, тогда оно меньше трескается и коробится.

Немалое значение для ловкости косы имеет ручка, приделываемая к косовищу. Видел я, некоторые просто прибавляют обрубок палочки — и дело с концом. На фабричных косовищах встречал точеные рукоятки, укрепленные стержневым болтом. Но наши косцы предпочитают старинный лукообразный хомутик, березовый или черемуховый, стянутый по концам бечевкой. За такую ручку удобно держать косовище, тем более что ставится она не параллельно косе, а как бы выдается вверх — к руке косаря. Ручка прочно сидит, и, главное, её в любое время можно, ослабив бечевочку, передвинуть вверх-вниз, сделать «по руке» косца.

Наладили полотно, поставили ручку — коса готова. Но прежде чем шагнуть с нею в буйное разнотравье, её надо еще наострить. Это делается в два приема. Сначала косу, как известно, отбивают. Есть для того железная бабка и особый молоток с зауженным ударником. Впрочем, молоток может быть и обыкновенным, а вот бабку заменить ничем нельзя. Она представляет собой металлический четырехугольник, похожий на короткий обрезок стамески или долотца, только вместо черенка у бабки — столбик, вбиваемый в землю. И вот кладут лезвие косы на торец этой бабки и ударяют молоточком. Лезвие оттягивается, утончаясь и заостряясь. Чтобы пройти от пятки до носка и ровно оттянуть полотно, требуется немало терпения и сноровки. Операция кропотливая, но необходимая, иначе настоящей остроты не добиться.

После отбойки пускают в дело брусок, точат, или правят, косу. С нажимом водят бруском то с левой стороны, то с правой. Точка сопровождается характерным звуком «вжик-вжик», «вжик-вжик», который так гулко раздается в лугах, и о котором наслышаны даже современные асфальтовые писатели-поэты. Для точки кос используют особый брусок, крупнозернистый, жесткий, называемый в народе косником. А раньше, когда такие бруски были редкостью, применяли самодельные косоправки, или косоточки. Это были просто деревянные лопатки, обмазанные смолой и обсыпанные песком. Именно такая косоправка «запятана» в известной загадке о косе: травы поем — зубы притуплю, песку хвачу — опять наострою.

Мастеров точить и отбивать косы зовут косоправами. Может, звание не слишком благозвучное, однако я доныне горжусь, что в юности, даже в отрочестве, был косоправом. Правда, лишь по совместительству. Война повыкосила взрослых мужиков. А те немногие, что вернулись с фронта, работали обычно на технике, какая была: на тракторах и прицепных комбайнах, на конных сенокосилках и жнейках. Вручную косили травы исключительно женщины. И вот бригадир поручил мне, пацану, отвозить их в телегах на покос, присматривать там за лошадьми и по силе возможности отбивать косарихам косы. Так что я был конюхом-косоправом. А иногда еще и косцом. Но это уже по желанию. Например, когда женщины спешили к вечеру докосить луг или лог, чтобы завтра сюда не возвращаться, то «на прорыв» выходил с косой и я.

Кстати, слово «коса» у нас менее употребительно, чем «литовка». Я не знаю, откуда пошло это название. Но, думаю, к Литве оно отношения не имеет. Литовкой издревле называется большая русская коса, в отличие, скажем, от «горбуши», редкой в наших местах малой косы с коротким и кривым косовищем. В доказательство того, что у литовки вполне русский корень, можно привести другое близкое по звучанию слово — «литвины». Так называют переметные хворостины, которые навешивают от ветра на смётанный стог, связав их вершинами. И уж тут литвины-литовцы явно не при чем. Хотя, кто знает? Ведь литовская Русь почти такая же древняя, как наша, славянская.

Именно в ту подростковую пору, работая косоправом и косарем, сочинил я стихотворение про деревенский покос:

*Я сегодня тоже взял литовку,
С косарями встал в единый ряд.
У меня крестьянская сноровка,
Не кошу, а брею, говорят.
Просолилась и набрякла майка,
Но упрямы взмахи и шаги.
Я не допущу, чтоб молодайка
Крикнула мне: «Пятки береги!»
Пусть июльский зной печет и парит,
Пусть плывет в глазах цветастый луг,
Но, однако, не такой я парень,
Чтоб литовку выронить из рук.*

Как видите, при всей гордости за причастность к артельному сенокосу, мастерства своего я не преувеличивал. Косьба действительно не такое дело, чтобы браться за него с кондачка. Этому ремеслу надо долго и терпеливо учиться. Как держать косу, какой брать размах, где прижать пяточку, а где носочек — все имеет

значение. Похоже, известная поговорка «нашла коса на камень» родилась в устах не слишком искусного косаря. С мастером кошения такого казуса не случится. Он аккуратно «объедет» любой камень и любую кочку. На хорошего косца и смотреть — одно удовольствие. Он не сгибается в три погибели, не рвет и не надувается от напряжения, а работает легко и ритмично. Так и кажется, что коса в его руках сама ходит, словно живая. Невольно вспомнишь детскую загадку про косу: «Щука понура хвостом вильнула — леса пали, горы встали».

Должен признаться, что я хоть и знал косу с детства, кашивал с отцом на своем покосе и в колхозном звене косарей, да и теперь на даче под городом держу литовочку на всякий случай, но по-настоящему косить так и не научился. Пойду другой раз в березник травы подкосить на «перину» или на пробку для погребного лаза, отмашу прокосец, по-нашему «пройду ручку», оглянусь — нет, не то! И кошенина не чиста, там и тут торчат козлиные бородки, и рядок не прокошен, ложится на травостой, так что сено потом вытеребивать приходится. Да и в самой косьбе свободы нет. И не зря послышится вдруг полузабытый отцовский голос: «Пяточку, пяточку держи!» Помню я этот родительский наказ, но от одной памяти проку мало, сноровка еще нужна.

Так это речь об элементарной косьбе травы. А у литовки ведь есть и другое, не менее важное и, пожалуй, более сложное предназначение — косить хлеба. Тут она серьезная соперница серпу. Была, по крайней мере. Притом выступала чаще уже не сама по себе, а в сочетании с особыми граблями — «грабками», и весь этот способ хлебоуборки назывался «косить на грабки».

Изобретение вроде незатейливое, но весьма мудрое. За простой литовкой остается сплошной перемешанный валок. Выбирать из него стебли с колосьями и вязать в снопы было бы несподручно. И вот крестьяне придумали эти самые грабки. Над полотном литовки параллельно ему стали навешивать деревянные гребёлки с тонкими и длинными зубьями. Получилось как бы сдвоенное орудие, которое одним махом срезает стебли и укладывает их на стерне колосьями в одну сторону, не давая возможности просыпаться ни колоску. Теперь иди следом, вяжи снопы, ставь их в гнезда-суслоны для просушки, а потом вези на молотилку. К слову сказать, в каждый суслон привычно ставили по двенадцать снопов и один клали сверху. Почему так? А потому, что русские крестьяне издревле христиане, и они даже на жатве не забывали, что у Христа было двенадцать апостолов.

Гребёлки делали хотя и деревянные, но литовка с ними была довольно тяжела. Пацаном я пробовал брать грабки в руки, они мне казались почти неподъемными. А ведь на грабки косили в основном женщины. Кашивала колхозные хлеба и моя мать. У меня перед глазами до сих пор стоят наши деревенские косарихи. Вот они идут друг за другом, взмахивая в лад грабками, как заведенные, потом останавливаются, словно по команде, достают из подвернутых фартуков бруски и начинают править звенящие литовки. А затем снова идут косым строем, наступая друг другу на пятки. И со стороны кажется, что грабки сами взлетают над ржаной стеною, выкашивая в ней очередной прокос.

Косовица хлебов — тяжелейшая страда. И если я скажу, что некоторые женщины выхлестывали в день по гектару, многие нынешние читатели не поверят мне. Особенно юные. Да, теперь таких косарей уже нет. И, наверное, не будет. Они остались в той далекой и загадочной колхозной стране, где люди добровольно сгорали на работе, как свечи. Притом работали почти бесплатно, за символический трудодень. Работали, как оказалось, впустую, ибо во многом труды их сегодня развеяны по ветру...

А всем ли нынешним читателям понятен смысл присловья, взятого мною в заглавие: «Коси, коса, пока роса, роса долой, и мы — домой»? Ведь тут не одна игра слов, а целая наука.

Прошлым летом поленился я накосить охапку сена на даче, чтоб было чем на зиму погреб закрыть. Думал: рядом поля сельских хозяйств, осенью возьму, как другие, навильничек бросовой соломы — и обойдусь. Однако, убрав хлеб, крестьяне тотчас увезли и солому, очистили жнивье до последнего клочка. Так что, когда ударили морозы, мне ничего не оставалось другого, как идти в лес и косить гривки пожухлой травы. Вскинул литовку на плечо и пошагал — в ноябре! — на сенокос. Соседи проводили меня долгими недоуменными взглядами: мол, крыша у мужика поехала.

А и верно, не косьба была, а мука. По сухой и жесткой траве литовка скользила, как по проволоке. Но все же с грехом пополам наколотил я мешишко травы. Иду обратно. Сосед смотрит через забор и, усмехаясь, напоминает мне то самое присловье: «Коси, коса, пока роса...» И действительно, не зря ж косить начинают как можно пораньше, едва травы в цвет пойдут, и в луга выходят чуть не с солнцем, по росе. Молодая трава, да еще увлажненная обильной росой, бывает особенно коской, то есть мягкой и податливой. Она легко срезается и ровно ложится в рядок на чистейшем прокосе. Потому же и дождь косарю не помеха, как это увековечено еще в одной народной пословице: «С косой в руках погоды не ждут».

В заключение осталось заметить, что в крестьянском обиходе с косою связано немало преданий и поверий. Помнится, в былые времена существовал в селе такой обычай — вделявать в избяной порог старую косу. Считалось, что она охраняет дом от злых людей, от напастей, и вообще приносит счастье семье, как найденная на дороге подкова. И даже отодвигает встречу с нею, с Безносою, которая, как известно, приходит за жертвой со своею косою.

Топор под лавкой

Не дал бы Бог топора, так и топиться пора... От поры до поры все топоры, а пришла пора — нет топора... Семь топоров вместе лежат, а две прялки врозь... В лесу раздавался топор дровосека... Кланяется, кланяется, придет домой — растянется... По реке топор плывет в сторону Кукуева...

Сколько их, пословиц и присловий, сказок и присказок, шуток и прибауток, крылатых слов и афоризмов, связано с топором! И все потому, что это самый распространенный и самый необходимый инструмент в хозяйстве, особенно у нас — в лесной, деревянной России. Недаром еще одна русская пословица говорит: топор — всему голова.

В нашем деревенском дворе под навесом была вкопана комлевая чурка, поставленная «на попа». Отец тесал на ней какие-нибудь колья да черенки, а мать по осени рубила голенастых петухов. При чурке всегда был топор. И вот однажды (было мне тогда лет шесть, не больше) я тоже решил помахать топориком. Положил на чурбан палку, двумя руками поднял увесистый инструмент и резко опустил. Палка осталась целой. Топор её не задел. Он лишь скользнул по краю чурбака и въехал мне в колено. Страшная боль. Кровища. Рев на всю деревню...

Мать запеленала мою ногу полотенцем и понесла меня к фельдшеру. Тот взглянул на рану и присвистнул: «Фийу, в самую чашечку! Немедленно в райбольницу! Боюсь, на всю жизнь калека: чашечка редко срастается».

Ни в какую больницу меня не повезли. Лечили своими средствами: кровь заговорила бабка Бобриха, трав дала тетка Липистинья, отец добыл парового дегтя, а дядя Егор посоветовал прикладывать мочу. Шкондыбал я долго. Меня уже было прозвали стомоногим, но со временем чашечка все же срослась. Нога стала гнуться. И до сих пор, слава Богу, служит мне исправно. Правда, вот уже полвека ношу я на правой коленке широкий и длинный, через всю чашечку, шрам-рубец, но он меня не беспокоит.

Мне бы с того дня возненавидеть все топоры на свете и обходить их за версту, но я, наоборот, полюбил этот с виду нехитрый, но такой сподручный и ловкий инструмент. У отца было семь топоров. Как говорится, на все случаи жизни. Они стояли в амбаре вверх топориками в ряд, зажатые в специальных гнездах. Я знал их наперечет. Частенько тюкал ими, мастера очередной самокат или самострел. А когда отец точил их, помогал крутить точило.

Мне с детства было известно, что все топоры только внешне похожи один на другой. Все они имеют железную лопасть, или полотно, с лезвием, обух с проушиной и деревянное топориче-рукоятку, изогнутое особым образом. Но на самом деле топоры очень разные. У каждого своя служба, свое назначение, а это отражается и на их форме. Всех топоров нам не описать, но наиболее ходовые давайте вспомним, хотя бы с помощью Даля.

Самый знатный среди топоров, конечно, плотницкий. Понимающий толк человек сразу отличит его по довольно широкой, раструбистой и тонкой лопасти с выдающимся острым носком. Роль этого носка понятна. Он позволяет, кроме рубки или тесания всем лезвием, сделать более тонкую работу — продолбить пазик, зачистить уголок, словно бы заменяя долотце. Сточен плотницкий топор будет обязательно полого, для «вязкости», то есть для того, чтобы глубже уходил в бревно или плаху.

Впрочем, вязкость зависит не только от заточки, но и от качества металла. Теперь жалеют на топоры доброй стали, делают их из рядового, мягкого металла, потому они быстро тупятся и вообще плохо идут в дерево. Не случайно у хорошего плотника обязательно найдется старинный топор, уже изрядно сточенный, но все же более ценный мастером, чем нынешние.

Помню, и у отца был такой старинный, «николаевский» топор. Он им очень дорожил. А когда однажды нерадивый сосед, попросив этот топор поработать, зачем-то ударил обухом по чугунной кобылине, да так, что в основании проуха появилась сквозная трещина, отец чуть не заболел с горя. Слава Богу, подсказали добрые люди, что в мастерских районной РТС появилась какая-то особо прочная сварка. Отец поехал в райцентр и заварил-таки трещину, а затем еще сровнял, сточил шов на наждаке. «Николаевский» топор был спасен. Он и запомнился мне таким — с поперечным шрамом от сварного шва, чем-то напоминающим тот, что я ношу на коленке.

Весьма уважаем среди мастаков по дереву и столярный топор. Его еще зовут мастеровым. Этот заметно поменьше размером. Если плотницким, довольно тяжелым, обычно работают двумя руками, особенно когда имеют дело с бревном или брусом, скажем, рубят углы дома «в лапу» или «в крюк», то мастеровой топорец заведомо одноручный и относительно легкий. Лопасть у него тоже тонка и заточка лезвия отлога, но того острого носка впереди уже нет. У него скорее будет длинная пяточка. Главное назначение мастерового топора — тесать, и здесь в ходу именно пяточка, тонкая и острая, как бритва.

Но, пожалуй, наиболее распространенный топор — дровяной, или дровосечный. Приходилось мне слышать и еще одно его название — мужичий. Это как бы универсальный топор, что заложено даже в его форме. Он тоже сравнительно небольшой, но потолще в лопасти и в обухе и, само собой, потяжелее, чем, скажем, мастеровой. Да и сточка лезвия у него покруче будет. Одним словом, средний топор. При случае им можно и поплотничать, и постолярничать, а то и дровец наколоть, если чурки не слишком сучковаты и громоздки. Но все же в прежние времена, когда за дровами ездили не на тракторах с бензопилой, а на лошадке с ручной пилой да с топором, в роли последнего как раз и выступал мужичий, дровосечный.

Это о нем писал Николай Алексеевич Некрасов: «В лесу раздавался топор дровосека...»

А, кстати, вам не приходилось задумываться над странностью, даже как бы формальной безграмотностью этой фразы, знакомой с детства? Ведь если сказать, что в лугах раздавалась литовка косаря или на крыше раздавался молоток кровельщика, то это прозвучит нелепо. Почему же топору позволительны такие вольности с русской грамматикой? А все потому, что он царь среди орудий и инструментов. Все объясняется его известностью и нашей привычкой к нему. Для нас уже и звук топора стал настолько привычен, что слился с самим топором, и нет необходимости каждый раз подчеркивать, каков и чей это звук. Потому мы запросто и говорим «раздавался топор», тогда как, упоминая все другие инструменты, вынуждены уточнять: раздавались звон косы, стук молотка, визг пилы.

Однако просто «раздаваться» и топор не всякий может. Тут поэт не зря пояснил — «дровосека». Он обозначил этим, что речь идет именно о дровосечном, мужичьем топоре, широко известном и к тому же звучащем в самой привычной среде — в гулком лесу. Ибо невозможно сказать, к примеру, что в селе раздавался колун древокола...

Вот мы и подошли еще к одному топору — к колуну. Этот стоит особняком среди своих собратьев. Если у всех топоров щеки лопасти впалые, то у колуна ровные или даже выпуклые, да и обух у него заметно толще и шире. У колуна особая служба — колоть дрова, расщеплять круглые чурбаки на поленья. Это даже не топор, а скорее железный клин на длинном черенке-топорище. Отсюда и толщина его полотна. Он часто бывает тупым (не зря тупицу порой «колуном» обзывают), даже зазубренным, но древокола это мало смущает. Главное — вбить клин-колун в торец чурки так, чтоб она треснула вдоль волокон и разлетелась на поленья, стала швырковыми дровами.

Из специальных топоров еще известен мясничий. Он самый огромный, самый широкий и тяжелый. Прямо секира какая-то, а не топор. Признаться, я даже с некоторым страхом смотрю иной раз, как орудует им мясник на базаре. Невольно вспоминаются палачи времен Ивана Грозного и купца Калашникова. «С большим топором наостренным... палач весело похаживает». Сказочные размеры мясничьего топора объяснять, видимо, нет необходимости. Чтобы одним ударом отвалить от туши стегно, оковалок или огузок, топор должен быть и широким, и веским, и острым.

Есть еще целый ряд топоров, топориков и топорцов особого назначения, которые известны ныне разве что среди специалистов, да и то круг тех специалистов становится всё уже. Например, бочары пользуются небольшим сподручным топориком, который так и называется — бочарный. У сапожников раньше был топорец

еще меньших размеров, они им били баклушки, то есть кололи отпиленные от чурки колёса на ленточки-щепы, из которых нарезают деревянные шпильки. У моего отца Иллариона был двоюродный брат Лавриин, превосходный сапожник, живший в городе Минусинске. Когда он за семьдесят верст приезжал к нам в Таскино, чтобы «обуть деревню», то привозил с собой и этот топорец, носивший соответственное название — баклушный. Иногда доверял и мне заветным инструментом «бить баклуши», приучая, вопреки переносному смыслу этого выражения, не к лодырничеству, а к труду.

У старых ветеринаров-коновалов видел я и совсем уж редкий, какого теперь, наверное, даже по музеям не сыщешь, — кровопускательный топорок. Да, так и звали его — кровопускательный топорок. Коновалы им кровь «отворяли» у больных лошадей.

Ну, были еще боевые топоры, служившие уже не орудиями, а оружием, — алебарды, бердыши, протазаны, чеканы... Но это, как говорится, из другой оперы. Их я видел только на картинках, да и то не все, поэтому и говорить о них не буду. У нас разговор о топоре — мастеровом и обиходном инструменте.

Как я уже сказал, у отца водилось семь топоров. Он был по дереву мастер. Я же и в подмастерья едва ли гоюсь, потому держу на даче всего три топора. Они, конечно, все «массовые», с конвейера, и делить их на классы затруднительно, но все же с определенной долей условности один я отношу к плотницким, другой к мастеровым, а третий к дровосечным. К сожалению, первые два лишь по форме близки к своему назначению, а содержание у них неважное — они не идут в дерево, «невязкие», ибо сделаны из слабой стали. И, честно говоря, я редко беру их в руки. Любимец мой — третий топор, дровосечный, мужичий. Если отец любимый топор называл «николаевским», то я называю свой «сталинским». И неспроста. Дело в том, что он изготовлен в 1953 году, когда Иосиф Виссарионович приказал долго жить. Откуда у меня такой топор?

Лет, наверное, тридцать назад мы с приятелем, бывшим институтским однокашником Володей Агеевым, ныне покойничком уже, земля ему пухом, купили в Сорокино под Красноярском деревенский дом. Настоящий, бревенчатый, с капитальной пристройкой, но больно уж старый, ушедший по колено в землю. Особенно ветхой была пристройка, и мы решили её вообще раскатать. И вот когда ломали чердак, в куче хлама нашел я две занимательные вещи — ржавый наган и топор. Сынишка мой, младшеклассник, ухватился за наган, а я не менее обрадовался топору. Правда, он тоже был подернут ржой, как окалиной, и уже со сточенным, изношенным носком, но я сразу понял, что это все равно ценный топор. Он был с округлыми кромками, «литой», как говорили у нас в селе, с язычком в основании проуха, а главное с клеймом на лопасти, что указывало на «фирменность» его. Мне сразу вспомнился герой популярного тогда можаевского романа «Житие Федора Кузькина», который гордо говорил про свою косу: «Два кляйма!» Пусть на моем топоре было одно клеймо, но всё же...

Володя, человек городской, посмеялся над моей находкой и посоветовал выбросить этакий хлам. Но я привез топор домой, снял с него окалину на наждачном точиле, выправил лезвие — и топор ожил, заиграл, засветился. На клейме же, очищенном от ржавчины, проступил тот самый год изготовления — «сталинский».

Вот уже три десятка лет верой и правдой служит мне «сталинский» топор. И, кстати, когда мы продали старый дом в Сорокино, то именно этим топором срубил я себе новый дачный домик в Пугачево. Притом срубил почти один. За шесть

дней. На седьмой — отдыхал. Как Бог, создавший мир за такие же сроки. Но топор мой не только рубит, он прекрасно колет дрова, шкурит жерди, тешет любую досочку — мне остается только подтачивать лезвие да менять топорщица.

Впрочем, это только легко сказать — точи да меняй. Тут, брат, тоже целая наука. Особенно — что касается топорщица. Человек сведущий знает, что не бывает хорошего топора без доброго топорщица. Недаром они в пословицах рядом ходят: «Дал топор, так дай и топорщице... Украли топор, так и топорщице в печь... Есть топорщице, да нет топорщица... Погнался за топорщицем, да топор утопил...»

Конечно, мне, как и многим нынешним мужикам, особенно городским, придется довольствоваться теми топорщицами, что продают в хозяйственных магазинах. Фабричными, со станка. Тут вся роль наша сводится к выбору, чтоб полегче, половчее было топорщице, и сучков на нем меньше пестрело. А отец мой сам делал топорщица. Говорят, на западе страны популярны кленовые, но у нас клен редок, жидок, да и тот больше по городам растет в качестве декоративного дерева. Не материал — баловство. Поэтому отец, как и другие наши мастера, предпочитал березовые топорщица. Притом березки присматривал грубокорые, растущие на солнцепеке, на отшибе от леса. У таких древесина плотная, волокнистая, и топорщица из них выходят прочные, не трескаются повдоль при ударе или вытягивании топора из бревна. Есть даже такое определение подходящей к делу лесинке — топорщицное дерево.

Так вот эти топорщицные березки отец ошкуривал, сушил, а уж когда соковыё высушалось и «задубевало» до звона, мастерил топорщица. Он любил не прямые, как лопатные черни, а изгибистые, с излучиной-«грудкой» и с округлой бородкой на конце. Всегда тщательно обрабатывал стеклышком, наждачком, чтоб гладкие были, как слоновою кость. Часто байку рассказывал про молодого соседа-плотника: «У него и топорщице топорной работы. Чё, говорю, не выскоблишь-то? Руки ведь позанозишь! А-а, ничего, отвечает, рукавицей обшоркаю... Вот какой мастер нынче пошел!»

Точить топор лучше всего на «мокрое» точиле, то есть на таком, точильный круг которого вращается в корыте с водой. У него и камень пошире, и «зерно» помельче, а точимое лезвие постоянно обмывается, и потому видна каждая тончайшая зазубринка и щербинка, которые надо снять. Но у меня, к сожалению, нет мокрого точила, какое было у отца. Единственное, что я тут унаследовал от него, так это привычку к постоянной заправке инструмента. И до сей поры, приезжая на дачу, начинаю рабочий день с того, что правлю любимым топором. Я пользуюсь современным электрическим точилом с грубоватыми и сухими наждачными кругами. Правда, сняв видимые зазубрины с лезвия, дальше правлю уже мелким брусочком и оселком. И тоже ладно выходит. «Бриться можно», — как хвалились раньше мастера.

Конечно, такое лезвие беречь надо. Особенно пяточку, по-старинному — узг. И потому настоящие аргуны-плотники, столяры надевают на лопасть топорный чехол, или натопорник. Этакие ножны для топора. Я застал еще лыковые, берёстовые натопорники, а теперь изредка вижу лишь кожаные или деревянные — простые зажимы из двух досочек, что тоже неплохо. Во всяком случае, лучше, чем ничего.

Раньше, когда плотники ходили строить по найму, на отхожие промыслы, то носили топоры не за поясом, как иногда в кино показывают, а в специальной топорне — сзади на поясе крепились такие кольца, в которые продевался топор.

Топорней иногда называют и место в телеге или санях, куда укладывают топор, отправляясь в дорогу. Обычно это просто сквозная прорезь в доске-днище на ширину топорной лопасти.

Во всех этих чехлах, наторпорниках, топорнях мне видится не только разумно-хозяйское, но и бережное, уважительное отношение к топору, как к ценному, незаменимому и поистине универсальному инструменту. Ах, как он красив, как хитёр и ловок в руках умелого человека! Недаром говорят об изрядном мастере: «Так и играет топором!» А иные мастера настолько сживаются, сливаются с этим инструментом, что начинают приписывать ему некую самовольную, даже мистическую силу. И не случайно живет в народе легенда, что старинный мастер Нестор, срубивший знаменитую 22-главую церковь в Кижях, бросил свой топор в Онежское озеро со словами: «Не было такой, и не будет...»

Потому и зову Русь «к топору», но не боевому, а мастеровому. И когда соотечественники мои, особенно из молодых, прозреют и догадаются наконец, что спасение России вовсе не в торгашестве и ростовщичестве, а в строительстве и созидании, воскликну с удовлетворением: «Нашли топор под лавкой!»

Пилил пилила

Помнится, в ряду сувениров, предлагаемых нашими магазинами, частенько мелькала... двуручная пила. Не настоящая, конечно, игрушечная, сувенирная, но сделанная с удивительным подобием и ловкостью. Все у нее было, как у настоящей: и сама металлическая пластина «с брюшком», и зубья по ней, и деревянные ручки по концам, вставленные в гнезда-хомутики, которые держались на мизерных заклепочках, достойных Левши. К тому же пила была врезана в неошкуренное березовое бревёшко, укрепленное на козлецах с четырьмя ногами и «рогами».

Но все же, видимо, главный замысел изобретателя этого неожиданного сувенира скрывался не в изящных козлах и даже не в пиле как таковой, а в надписи, броско выгравированной по её полотну: «Пили, но знай меру!» Именно эта ироническая надпись особенно нравилась мужчинам, и они охотно покупали сувенирную пилу, чтобы подарить своим женушкам в день рождения или к 8 Марта с прозрачным намеком. Получали такой назидательный подарок и юные невесты от дальновидных женихов.

Должен заметить, что почему-то вообще вокруг пилы немало присловий, прибауток игривых и шутливых: «Брюжит, как деревянную пилою пилит», «Рыба-пила. А кто не пьёт?», «Где пила, там и гуляла...» Хотя, казалось бы, она — вполне серьезный инструмент и на общественном производстве, и в домашнем обиходе. Да и работа с пилою — отнюдь не прогулка. Более того, мне, выросшему в селе и познавшему с детства все крестьянские работы, до сих пор одной из самых трудных представляется именно пиление вручную. Дело это не просто тяжелое, но еще и монотонное, однообразное: широк-широк, широк-широк... И так — до бесконечности. Ведь на зиму, для отопления обычного сибирского дома, какой был у нас, требовалось более двадцати кубометров швырковых дров, то есть поленьев. И всю эту прорву напильвали мы с отцом двуручной пилой, к тому же — летом, в изнурительную жару, а в лесу — еще и при неотвязном гнусе.

Ради истины надо сказать, что в народе не забыта и эта сторона общения с пилой. Она отражена в таких поговорках, как «не отдувшись, не перепилишь»,

«пилить пилою — гнутья спиною», и многих других. А занудное однообразие пиления — в названиях, скажем, целого семейства перепончатокрылых насекомых — «пилильщиков» (вроде кузнечика, методично «пилящего» в траве), или птицы — канюка, которого в наших местах часто называют пилюком. Да и о человеке-зануде, любящем читать докучливые нотации, обычно говорят, мол, та еще пила... На что и намекал сувенир, описанный выше.

Но все же работа с поперечной пилой, при всей её тяжести и монотонности, кажется детской забавой против орудования пилою вдольной, или продольной. Помнится, я был поражен, даже потрясен в детстве, когда впервые увидел возле сельской столярки такую картину. На высоченном помосте, установленном на столбах, лежало длинное сосновое бревно, и два человека, один стоя наверху, другой — внизу, на земле, пилили его не поперек, а вдоль, начав с комлевого торца и медленно продвигаясь к вершине.

И пила у них тоже была необыкновенная. Не столь брюшистая, как поперечная, но зато огромная по длине и словно бы расширяющаяся кверху. И не с прямыми, а с косыми крупными зубьями, книзу идущими взадир. У неё также было две ручки по концам, но только они не стояли, а «лежали», укрепленные горизонтально, и продольные пильщики держались за них двумя руками. Верхний пильщик лишь как бы затаскивал пилу на леса холостым ходом, а потом она стремительно шла книзу, увлекаемая собственным весом и низовым пильщиком, и при этом изпод неё струями брызгали душистые опилки.

Мне и теперь кажется просто чудовищным этот каторжный труд продольных пильщиков, вручную разрезавших бревна на доски. Ведь, представьте себе, для получения всего одной пяти-шестиметровой доски надо было пройти рез длиной в десять-двенадцать метров. Это значит — поднять и протянуть пилу вниз много сотен раз. Но вот, поди ж ты, не боялись трудов мужики, пилили и тёс, и плахи, крыли крыши и ставили заборы (по-нашему, заплоты), даже деревянные тротуары настилали во дворах и вдоль деревень.

Между прочим, когда я, удивленный зрелищем продольного пиления, рассказал об этом отцу, он понимающе кивнул и вскоре сделал мне забавную игрушку — продольного пильщика. Это был плосковатый деревянный человечек, вырезанный из доски. В руках, вытянутых вперед, он держал продольную деревянную пилу, середина которой была подвязана к поясу коротким ремешком, а конец завершался подвешенной четвертьфунтовой гирькой. Вместо ступней на расставленных ногах пильщика были округлые культы, скошенные назад. И вот, стоило этого деревянного человечка пристроить на край стола или скамьи и качнуть, как он, движимый гирькой-противовесом, начинал методично кланяться, «пилить», покуда не затухала инерция.

Пильщик тот мне чрезвычайно понравился. Я не замедлил показать его своим друзьям. И вскоре у многих из них появились подобные. Мы даже стали таскать их в школу и на переменах устраивать соревнования, чей пильщик пропилит дольше всех. Надобно сказать, что отцовский долгое время держал первенство, пока заложенные в нем секреты соотношения размеров пилы и пильщика, а также тяжести гирьки не были разгаданы. Замечу, что это была вообще моя первая настоящая игрушка, которую сделал мне отец, вернувшийся с фронта. Тогда в магазинах игрушек не водилось. А если и появлялись изредка, то крестьяне не спешили тратить скудные деньги на «баловство».

Через несколько лет самодельные игрушки эти стали единственным напоми-

нением о продольных пильщиках, верховых и низовых, ибо само их ремесло ушло в прошлое. В соседнем селе Кочергино, расположенном в пятнадцати километрах, появилась первая пилорама, приводимая в движение мотором. И наше артельное хозяйство тоже стало пользоваться ею. Благо, что лесопилка (у нас по старинке её называли «пильня») стояла на самом берегу реки Тубы, и круглый лес из тайги к ней доставляли сплавом.

Юношей мне доводилось частенько бывать на этой пильне и видеть бешеное челночное мельканье целой дюжины пил, зажатых в механическую пилораму, которая разом выплевывала по нескольку досок, так что рабочим-пильщикам оставалось только укладывать их в штабеля или на подводы.

По распоряжению отца, колхозного бригадира, приезжал за этими досками и я. Мой Игренька был заложен в длиннющие дроги. Загрузив два-три десятка тесин, в зависимости от их толщины, я садился на них бочком, как на лавочку, и отправлялся в обратный путь. Проселок был ровным и торным, Игренька — молодым и сильным, и все мои заботы сводились к тому, чтобы держать в руках вожжи да глазеть по сторонам на перелески, косогоры, на пшеничные поля, уходившие к самому горизонту, и мечтать «по-мальчишески в дым». Немало утекло воды в Тубе с той поры. Многими дорогами пришлось пройти и проехать мне. Но никогда в жизни у меня не было лучшей работы, чем возить на лошадке с далекой лесопилки свежий тес, так чудно пахнущий смолой и нашатырем.

Но вернемся, однако, к пилам. Все их, пожалуй, не только описать, но и перечислить невозможно, поэтому я остановлюсь лишь на самых распространенных, с которыми приходилось иметь дело и мне. Среди любимых мною я выделил бы столярную. Её еще называют станковой, поскольку она, узенькая и мелкозубчатая, вставляется в специальный прямоугольный станочек с распоркой, который сверху стягивается двойной бечёвкой. Эта двойная веревочка, скручиваемая деревянным клинышком-стопором, дает возможность регулировать натяжение пилы, а подвижное крепление концов последней — угол её относительно рамы станка. Очень удобная пила: не гнется, не «заедается», и рез от неё получается узкий и гладкий. Однако станковой пилою толстой чурки или плахи не распилить, она рассчитана на тонкую столярную работу — с рейкой, с тесинкой, с палочкой-соковинкой.

Похожа на станковую и пила фанерочная, только у неё станок и поперечину-распорку делают повыше, «для простора», ибо фанера бывает широкой.

Близка к станковой и лучковая пила. Это, можно сказать, тоже вариант станковой, но только вместо станка с распоркой для натяжения пильного полотна здесь ставят лук — железный или деревянный. Впрочем, на этом сходство и заканчивается, ибо в лучок вставляют не одни столярные, а самые разные пилы — и по размерам, и по назначению. Основной «замысел» этой пилы в том, чтобы сделать её одноручной, то есть удобной для работы одному человеку, без напарника, которого требуют пилы двуручные — продольные и поперечные. Мне встречались, например, даже обычные двуручные пилы, растянутые большим упругим луком. С такими обычно ездят в лес за дровами «одиночные» дровосеки. Хотя ими сподручней одному пилить дрова и на домашних козлах.

Правда, отец мой, после того как потерял во мне, уехавшем учиться в институт, постоянного напарника по пилению, нашел более простой выход. Он взял да и разрезал двуручную пилу пополам. Притом специально выбрал старую, от длительной точки утратившую «брюшистость», чтобы она ровнее, без скачков ходила. Таким образом получилась одноручная пила — нечто вроде большой но-

жовки. Хотя она, конечно, уступала в удобстве лучковой. Поэтому недаром ныне все чаще делают неширокие пилы с металлическим лучком, обычно — из легкой алюминиевой трубки. К лучковым можно отнести и лобзик — совсем узенькую, тоненькую пилку для фигурного выпиливания, и слесарную, или железорезную, пилу, но это уже, как говорится, другая статья.

А мы остановимся на упомянутой выше ножовке. Так называют пилу с одной рукоятью и с более мелкими, чем у двуручки, зубьями. Полотно у неё к концу обычно зауженное. Этим она как бы похожа на большой нож, отсюда, видимо, и её название. Короткую и широкую ножовку называют еще садовой пилой. Ею и впрямь можно ловко спиливать сучья у садовых деревьев, формировать крону, как говорят садоводы. Вообще же ножовок великое множество — широких и узких, длинных и коротких. Встречаются даже складные, вроде ножа-складня.

Не менее разнообразны и рукоятки ножовок: то в виде рога, то в форме дверной скобы, а то и замысловато-фигурные. Мне, например, от отца досталась ловкая ножовочка с фигурной деревянной ручкой, напоминающей улитку с двумя рожками. Когда берешь её, она так и впаивается в ладонь, крепко сидит в руке и никогда не набивает мозолей.

Ну, и есть еще особый разряд пил — круглых, которые чаще именуют циркульными или циркулярными. Они, конечно, сплошь механические, электрические, и в нынешние времена получают всё большее распространение. Обычно устанавливаются на станке, на верстаке, и уже не их подносят к лесине, которую надо распилить, а наоборот — чурку, брусок или доску подводят под свистящие зубы циркулярок. Пиление на них, понятно, самое легкое, но, так сказать, стационарное. Впрочем, есть и переносные электропилы, а также бензопилы, приводимые в движение «индивидуальными» моторчиками. Последние пилят не зубчатыми полотном или диском, а пильчатой цепью, бегущей по шкивкам.

Главное дело в уходе за обычной пилой — это её регулярная точка и правка. Точат пилу трехгранным напильником, каждый зубец — отдельно, а точнее — каждую из двух сторон его треугольничка. Кладут пилу плашмя на скамью, садятся на неё верхом и, подвинув зубчатым ребром к краю скамьи, точат. Очень кропотливая работа, но необходимая. Ибо недаром сказано, что тупая пила — это мука, а острая — песня. Хотя её звон однообразен, но весел, и пильщик в ритм пиле невольно начинает «внутренне» напевать какую-нибудь бодро-удалую песню навроде «Вдоль по Питерской, по Тверской-Ямской...» По крайней мере, она звучит в его ушах.

Впрочем, одной остроты недостаточно для пилы-песни. Необходимо еще направить её, или развести, то есть сделать зубьям развод, один пригнув влево, другой право так, чтобы, если взглянуть на пилу с ребра вдоль зубьев, виден был «коридор» между ними. Делают это специальным инструментом — разводкой. Притом зубья должны стоять, как на параде, чтоб ни один не выступал и на миллиметр из-за «спин» других. Иначе, без развода, пила пойдет туго в узком резе, а при плохом разводе начнет прыгать и спотыкаться на неровных зубьях.

Развод — дело тонкое, и потому существует даже отдельное ремесло пилопра. Мне, слава Богу, повезло, я успел научиться у отца точить пилу и делать ей развод, так что теперь не приходится ломать шапку перед мастерами. И пилы у меня в хозяйстве неплохие — двуручная и станковая, и ножовки разные. К любой из них подошла бы известная загадка, скрывающая явно ладную пилу: скоро ест и мелко жует, сама не глотает и другим не дает.

К слову сказать, почему-то с пилою все же меньше связано в народе различных загадок, пословиц, прибауток, чем, допустим, с топором, косою или даже с вилами. Но зато ни один хозяйственный инструмент не может похвастать таким гнездом слов, которым прямородственна матушка-пила. Попробуйте сами — и вы с ходу, без особых затруднений назовёте десятка два таких слов: пила, пилка, напильник, подпилоч, пильщик, пилильщик, пиленка, пилорез, распиловка, пильчатый, пиловый, пиловочник, пилила, пильщина, пилоусый, пилюк... И пошло, поехало. Не поверите ли, заглянув в словообразовательный словарь русского языка, я насчитал в нем без малого полторы сотни вполне общеупотребительных слов, в корнях которых «застряла» обыкновенная пила.

Но в том-то и дело, что она не такая уж обыкновенная. Допустим, известно ли вам, что пила издавна употребляется любителями в роли... музыкального инструмента? Правда, иронического, но весьма сладкозвучного и выразительного. Мне уже доводилось писать в одной книжке, что в нашем селе Таскино на пиле прекрасно играл, водя по тыльному ребру смычком, председатель колхоза Геннадий Песиголовец, виртуозный баянист, гитарист, скрипач, а еще — большой юморист. Когда он на клубной сцене играл на двуручной пиле «Мой костер в тумане светит», то сельская публика не знала, что делать: то ли смеяться, то ли плакать. И чаще всего делала то и другое — и плакала, и смеялась до слёз. Ну, еще бы! Пилила пилит на пиле, да так трогательно и так забавно!

Вилами по воде

1

На сомнительные утверждения мы привычно замечаем с усмешкой: мол, это ещё вилами по воде писано... Очень выразительная поговорка. Только вот почему вилами? А, допустим, не веслом, которым гребец натурально «пишет по воде», оставляя не более устойчивый след?

И если, скажем, в загадке «посреди двора стоит сена копна, спереди — вилы, сзади — метла» или в присловье «где сена клок, где вилы в бок» смысловая цепочка (корова-сено-вилы) понятна, то отчего это крокодил в известном журнале мелькает с... вилами в боку? Намерение поразить в образе хищного чудовища все людские пороки похвально. Однако почему вдруг вилами? Может, ими вообще не пользуются там, где водятся живые крокодилы. По крайней мере — на уборке сена, которое при вечнозеленых травах, согласитесь, ни к чему. А уж если вам захотелось символически пригвоздить водного пресмыкающегося с разбойничьими замашками, так куда логичней сделать это острой или копьём. Но вот, поди ж ты, «вилы в бок!». Почему?

Да, видно, всё потому же, братцы, что вилы наряду с топором, пилой, лопатой — самое распространенное, ходовое и подручное орудие труда в хозяйстве. По крайней мере, в нашем русском его варианте. Испокон веку. Отсюда и в речи народной вилы всегда оказываются лыком в строку.

Корни этого слова довольно прозрачны, они явно тянутся от глаголов «вить», «вилять». Теперь уже вилы не имеют формы единственного числа, а в давние времена говорили и «вила», и «вилу». Что запечатлено, к примеру, в пословице: слово выпустишь, так и вилом не втащишь. А про иного криводушного и ныне в народе скажут: мол, тот еще вила...

Впрочем, мы пока что — о вилах в их вещественном выражении как о привычном рабочем инструменте в крестьянском обиходе. Все их видели, все знают. Внешне они — проще пареной репы: прямая рукоять и на конце её — развилье (собственно вилы), обычно — из трёх зубьев, или рогов, которые прежде называли также рожнами. Вилы бывают деревянные и железные. И назначение у тех и других довольно-таки различное.

2

Деревянные — почти исключительно сенные, то есть используемые на уборке сена. Те, у которых черенки обычной подручной длины, так просто и называют: деревянные вилы. Или копённые. Ими поддевают и укладывают сено в копны, либо наваливают его на волокуши — этакие сани на скорую руку, состоящие из двух срубленных березок, стволы которых служат оглоблями, а вершины — полосьями, волочимыми лошадьё по земле. На них-то, соединённые поперечиной, и накладывают деревянными вилами сено. Потом «передвижную» копну стягивают верёвкой и везут к стогу — круглому «кабану» или четырехугольному «зароду». По крайней мере, так именуют их в наших краях.

Ребятишек, которые, сидя верхом на лошади, возят копны, зовут у нас копно-возами или волокушниками. Эти юркие подростки, вполне умея править лошадьёми, еще не особо обременяют их своим «заячьим» весом.

Мётчики встречают копну у стога уже с другими деревянными вилами — полустоговыми, если он еще невысоко поднялся над землей, или стоговыми, с длинной рукоятью, когда начинают его «вершить», сводить крышей, у зарода — двускатной, у круглого кабана — шатровой.

Делать деревянные вилы — немалое искусство. Родитель мой владел им изрядно. Получал заказы на изготовление вил и от колхоза, и от селян до самой старости. Могу даже сказать, до самой смерти. Помнится, когда я прилетел к изголовью умиравшего отца, то среди тех, кто пришел навестить его, застал бывалого стогоправа из «нашей» бригады Гордея Дикова, который тяжело вздыхал и приговаривал:

— Не дай Бог, уйдешь, Григорьич... Кто будет делать вилы к сенокосу?

Умелые виловщики, мастера «по вилам», всегда были редкими и высоко ценились на селе.

Мне приходилось не однажды помогать отцу в этом деле. Разумеется, лишь «на подхвате» да в роли ученика, наматывающего на ус. Где-нибудь накануне Троицы, в полевое междупарье, отец, утречком заглянув ко мне в горницу, бросал скороговоркой:

— Шурка, поехали-ка вилы рубить!

Такая команда мне была по нутру. Я быстренько натягивал сапоги, набрасывал пиджачишко на плечи и выскакивал за ворота. Там, у коновязи, уже стоял Карька мохноногий, запряжённый в рыдван. Отец в своей неизменной шляпе, помятой, как старый солдатский котелок, усаживался в телегу, просовывая ноги между решетинками накидашки, я пристраивался сзади на облачину, и мы отправлялись в лес.

Отец выбирал самые дальние и глухие лога — Титовский, Уджейский, Японский (по имени соседней деревеньки в стороне восходящего солнца), где на северных склонах, в заветерьях, необыкновенно густо росли берёзы, прямые, как лучи,

и до самых макушек не имевшие сучьев. А, надо заметить, деревянные вилы, и простые, и стоговые, у нас делают исключительно березовые. Не только потому, что дерево это — самое распространенное в нашешских лесостепных местах, но и потому, что древесина берёзы, вовремя ошкуренной и просушенной, отличается особой плотностью и прочностью. Тут с нею не могут соперничать ни сосна, ни пихта, ни тем более — осина, мягкая и хрупкая. Могла бы тягаться, пожалуй, лиственница, да уж больно она тяжела и сучковата, что загодя не сулит добротного черенка. К тому же на макушках лиственниц трудно встретить столь равнорogie развилины, какие зачастую венчают красавицу-берёзку.

Подобравшись прямоезжими дорожками через поля и залежи поближе к «вильному» лесу, отец распрягал Карьку, привязывал к телеге на длинный поводок, брал топор, мне вручал пилу-двухручку, и мы шли в глубину лесной чащи среди белокорых колонн с черными накрапами, от которых рябило в глазах. Шли, высматривая самые подходящие деревья — по толщине и стройности ствола и по развилистости вершины. Я старался подмочь отцу, указывая на те, что выделял по своему разумению. Но он в ответ только махал рукой. Наконец, задерживался возле одной из берёз, запрокинув голову, обходил её кругом и, если оставался доволен выбором, обычно восклицал:

— Во, брат, готовые вилы!

Прикинув, куда она пойдёт, подрубал берёзу топором в три-четыре взмаха, отступал на момент и кивком давал мне знак, чтобы я подбегал с пилой, когда комель был толстоват, но чаще сам дорубал его с обратной стороны и пособлял дрогнувшей лесине, с пронзительным треском падавшей между сгибаемыми ветвями белых сестер. Упав с уханьем, берёза словно бы вытягивалась в длину и теперь казалась много большей, чем была при жизни, как всегда видится большим себя живого и человек, положенный в гроб.

Отец быстро очищал топором гладкий ствол от нечастых веток, оставляя лишь рассучье на вершине, которое обыкновенно называется мутовкой. Между прочим, тут в смыслах имеется одна тонкость. Мутовка предполагает как минимум тройное рассучье, двойное же чаще именуют развилем или еще рассохой. Это отличие сохраняется и при употреблении слов в переносном значении. Скажем, место, где дорога раздваивается, никто не назовёт «мутовкой», а скорее развилкой или уж словом от других корней — росстанью, то есть там, где расстаются. И недаром слышен в нём грустный оттенок. Всякое расставанье по сути печально. Кто-то из писателей даже заметил: «Расстаться — это всегда немного умереть...»

Однако вернёмся в наш лес. Обсучковав одни «готовые вилы», отец высматривал следующие — и весь процесс повторялся: подрубка, подпилка, повалка дерева, обработка сучьев. Разве с той разницей, что иногда после падения берёзы, в наступившей звонкой тишине, отец устраивал небольшой перекур, а работу сучкоруба доверял мне. И если попадались не трёх, а четырёхрогие вершинки, я старался сохранить все отрожины, особенно если три из них располагались в одной плоскости, а четвертая нависала над ними. Бывалый копновоз, я знал, что накладчики волокуш особо ценят такие ухватистые и цепкие вилы — меж их зубьями не просыпается даже самое мелкое залежное сено. Но, правда, на подходящие четырёхрогие «как по заказу» природа была скуповата, да и не каждая моя «сложная» мутовка проходила через отцовский контроль.

Нарубив дюжину-полторы заготовок для будущих вил, мы вытаскивали их волоком из лесу и укладывали в рыдван. Поскольку рогатые жердины были длинны-

ми, а некоторые и очень длинными, то отец притягивал их по комлям верёвкой к телеге, чтоб не «играли» дорогой, перевешиваемые разлапыми вершинами. Мы, тоже стараясь придавить воз, садились поближе к передку телеги и трогались в обратный путь. Но гнуткие берёзовые хлысты на колдобинах всё же били рогами об дорогу, и отец придерживал Карьку, спешившего домой, к водопою и кормушке.

Воз мы разгружали в нашем дворе, ибо отец мастерил вилы обычно на дому, в своей столярке, под навесом возле амбара.

Но это было потом. А прежде он доводил до ума заготовки. Ошкуривал привезённые жерди с мутовками. Благо — ранним летом кора, «смазанная» изнутри густеющим берёзовым соком, снимается легко, вместе с берёстой, «сапогом», по выражению плотников. Затем отец тщательно «правил» зубья будущихвил — где подтягивал шпагатом, а где, напротив, распирал спицами, чтобы придать им необходимый изгиб и направление. Потом сушил вилы, стоговые — стоймя приставив к фронту сарая, а копённые — просто забросив на пологую крышу столярки.

И уж после надёжной просушки, длившейся пару недель, когда рога задубевали в заданном положении, начинал кропотливую обработкувил, действуя и топором, и рубанком, и фуганком, а напоследок — ещё и ребром стеклокла, отшлифовывая черен и рога до костяной гладкости. Мне, как правило, доверялась только эта нехитрая операция — скоблениевил свежесколотым стёклышком, но я и тем был доволен, ибо приобщался к серьёзному ремеслу. Оно поднимало меня в собственных глазах, а главное — в глазах моих приятелей. С особым старанием шлифовал я редкие четырёхрогие вилы, предвкушая те похвалы, что услышу от накладчиков волокуш, будучи копновозом на артельном сенокосе.

Не без тайной мысли напомнить лишний раз о своей причастности к важному делу я норовил как бы случайно объявиться в отцовской столярке, когда в канун сеномётки к нашим воротам подкатывал на дрожках нарочный из бригады (а то и сам бригадир!), чтобы забрать готовые вилы. И если он, перебирая и пробуя в руках на ловкость то стоговые, то копённые, хвалил «чистую» работу, то и меня распирало от гордости. Отец же в такие минуты был не просто горд — он как-то по-особому оживлялся, приободрялся и словно бы даже молодел, довольный признанием его мастерства и старания. И я вполне понимал его. Что такое достойная оценка твоих трудов и как она поддерживает дух, я уже знал по школьным отметкам, выводимым строгими учителями.

Подсобив гонцу сложить вилы в телегу, мы с отцом ещё долго, стоя у ворот, провожали взглядом развилистый воз, пока последние рогулины самых длинных «стоговиков» не скрывались за углом бригадного переуллка.

Деревянные вилы водились и на отцовском подворье, но больше праздно стояли под навесом или валялись на сеновале, в хозяйстве использовались довольно редко. Разве что при разгрузке и отмётке в сенник конных возов сена или соломы, привозимых отцом уже в розвальнях, по санному пути. Однако и тут мы чаще орудовали железными вилами, более сподручными, лёгкими, да и захватывающими вполне подъёмные навильники.

Но вилы железные это, как уже сказано выше, совсем другая статья. И не только по основному назначению в хозяйстве, но и по методам изготовления. Если

начать с последнего, то эти вилы — по преимуществу заводские изделия. Отец мой сам делал только черенки к ним. И, замечу, тоже обычно берёзовые, как наиболее ровные и крепкие на излом. А уж про нынешних хозяев, в особенности — городских дачников, и говорить нечего: они даже черенков сами не выстругивают. Покупают в магазине готовые палки — с конвейера, притом выточенные из самой разной древесины: от сосновой до еловой и осиновой, и уже потому непрочные, ломкие, частенько дающие занозистые трещины над вильным проухом.

Однако всё же бывают (бывали, по крайней мере) и самодельные железные вилы. Я ещё захватил такие «самоковки», которые мастерили наши сельские кузнецы, вырубая зубья из железных пластин, добела раскаляемых в жарком горне. Обычно это были трёхзубые вилы с довольно толстыми и не круглыми, а четырехгранными зубьями. И вручную делались они не в пику заводским, заполнявшим скобяные лавки, а как бы в дополнение к ним. Для особых назначений. Например, для переброски тяжелого и сырого навоза (кстати, их чаще так и называли — навозные вилы, иногда — рожны) или для подкапывания картофельных гнёзд, где тоже нужна более основательная прочность, чем у тонких заводских. Правда, теперь я встречаю в магазинах и заводские, сделанные наподобие тех самоковок. То есть не с длинными, округлыми и как бы выгнутыми «под ковш» зубьями, а с более короткими, четырёхгранными и почти прямыми. Явно рассчитанными на земельные работы для садоводов и огородников. Ведь многие нынешние дачники уже вилами не только подкапывают картошку да морковку при уборке, но и полностью вскапывают свои участки. И если земля у них лёгкая, рыхлая, то получается не хуже, чем лопатой, и к тому же даётся меньшими усилиями. Но мягкой и рассыпчатой почва бывает лишь тогда, когда её много лет щедро удобряли и основательно взрыхляли не одними рожнами...

У меня при садовом домике имеются железные вилы и с округлыми, и с гранёными зубьями, как говорится, на все случаи жизни. Но копаю огород я всё же лопатой, ибо никакие вилы мою тяжёлую почву не возьмут — суглинок сплошной, да и заправка удобрениями скудная. Чего греха таить, лень-матушка поперёд хозяйина родилась...

Впрочем, это не отменяет моего общего вывода о существовании и всё большем распространении таких незаменимых вил, как огородные «рожны».

Из менее же употребительных хочется вспомнить... сноповые вилы. Почему вспомнить? Да потому, что они, можно сказать, ушли в прошлое, ибо теперь не вяжут столько снопов, ни ржаных, ни пшеничных, чтобы под них отдельные вилы иметь. Все зерновые и бобовые культуры теперь убирают комбайнами, которые разом, в один проход, и жнут, и молотят, и даже солому в копны складывают.

Но я застал ещё те годы, когда комбайны (прицепные — притом!) были редкими, так что жатва и молотьба доброй половины хлебов проводились отдельно. После скашивания нивы конными жнейками женщины вручную подбирали стебли с колосьями или метёлками, вязали в снопы и ставили в такие шалашики — суслоны: двенадцать стоят в наклон друг к дружке, а ещё один сверху положен. Как вы уже, наверное, догадались, — по числу святых апостолов во главе со Спасителем. Вот тебе и «богоборческие» времена...

Потом, когда снопы хорошо просушивались, их свозили в большие скирды, а то и — прямо к молотилке, работавшей «с колёс». Так вот, снопы эти подавали из суслонов в колымагу, специальную телегу с высоченными грядами, а потом сбрасывали возле молотилки, вращаемой ремённым приводом от тракторного

мотора, особыми сноповыми вилами, железными, двухрогими, которые в иных местах называли уменьшительно вилашками, вилошками или рожнецами, а у нас в селе — подавашками. Происхождение слова вполне понятно — от глагола «подавать», указывающего на главное назначение сего инструмента. Мне доводилось и орудовать подавашкой, и возить снопы в колымаге, сидя с вожжами в руках на громадном возу — целой скирде на колёсах, с которой лошадь смотрелась внизу почти как мышь под копной. Чтобы поднимать снопы на такую высоту, черенки у подавашек делали много длиннее вильных, а зубья — более короткими, иначе б они застревали в соломенном пуче, скрученном натуго перевяслом.

В общем, со многими вилами познакомила меня жизнь в разные годы. Помахал я ими тоже немало — и до мокрой рубашки на спине, и до ломоты в пояснице, но и «до мышечной радости», по выражению нашего великого физиолога Ивана Павлова. Хорошее орудие, ловкое и хватистое. Не зря пошучивают в народе, мол, наши вилы — везде заправили...

Однако ни разу, слава Богу, не пришлось мне пользоваться ими как... оружием, ни в нападении, ни в обороне. Между тем такое их запасное назначение известно с давнейших времен. Положим, все мы слышали, что на медведя охотники-смельчаки издревле ходили с рогатиной. А что такое эта рогатина, как не двухрогие вилы, вроде нашенской подавашки? Притом не железные, а деревянные. Заструганная на конце «однорогая» палка — рожно или рожон («сам лезет на рожон», «за наше добро, да нам же рожон в ребро»), с двумя рогами — уже рожны, то есть та же рогатина. К слову, доводилось слышать, что кое-где хозяйки деревенские, должно быть, по аналогии, свои домашние ухваты называют рогачами или вилками.

В качестве холодного оружия идут в дело также обычные трёх- и четырёхрогие вилы. Скажем, жива ещё пословица времён Отечественной войны 1812 года: «На француза — и вилы ружьё». Именно этими «ружьями» действовали многие тогдашние партизаны. Наверное, летучий эскадрон рубаки и поэта Дениса Давыдова был вооружён иначе, но народные партизанские дружины, одну из которых возглавляла отважная русская женщина — старостиха Василиса, уж точно орудовали вилами-рожнями.

Да и в иных войнах, а то и просто бытовых схватках вилы не однажды шли в ход. Прежде всего, понятно, у крестьян, которые их держат под рукою. Недаром жена моя, крестьянская дочь и агроном по образованию, доньше, оставаясь одна ночевать на даче, ставит у изголовья «от лихого человека» именно вилы. И не случайно крестьянский сын Сергей Есенин, ища защиты от гонителей из стана кичливых городских интеллигентов, вспоминал своих сельских родичей: «Они бы вилами пришли вас заколоть за каждый крик ваш, брошенный в меня!»

Ну, а если копнуть подальше в глубину человеческой истории, то мы среди первых, кому пришла мысль о вилах как об оружии, увидим самих богов морей — греческого Посейдона и римского Нептуна, которых изображают непременно с трезубцами в руках, живо напоминающими вилы. Да и у знаменитых гладиаторов, что шли на смертный бой под рёв Колизея, на вооружении, для «контрольного» удара, бывали трезубцы, те же вильцы.

Любопытно покопаться также в словесных корнях и «отвилках» этого блестящего орудия и оружия. Следы и отзвуки его можно найти еще во множестве предметов и явлений. Давайте вспомним хотя бы о привычной столовой вилке, которую берём в руки минимум три раза на дню. Она ведь тоже по сути — вилы, и трёхрогие, и четырёхрогие, только маленькие. Вилкой также называют грудную

косточку у птиц, что идёт вверх по zobу. Ну, ту самую, которую у вареной курицы мы вынимаем часто с шуткой-прибауткой затем, чтоб разломить за рожки надвое с соседом по столу — «на счастье». Согласно народному поверью, больше повезёт тому, у кого в руке останется большая половинка костяного развилля.

Да ведь и в человеке есть свои вилы и вилочки. Скажем, вилами нередко называют (особенно на селе, где живут исконные языкотворцы) человеческие ноги — от туловища до подошв. А вилочкой, по Далю, — «выемку в верхней оконечности грудной клетки, где на шее проходит дыхательное горло», то есть ту трепетную ямочку, что в народе еще зовётся «душой». Во как! Сама душа наша бессмертная, нетленная, Богом «вдунутая» в нас, оказывается, связана с обыкновенными вилами.

Нечто сакральное, судьбоносное заключено и в «отвильных» словах, уже упоминаемых мною, и связанных с путями-дорогами, которые мы каждодневно выбираем, в прямом и переносном смыслах: в развилках, развилинах, извилинах — излуках и разлуках. Недаром есть такая мудрая пословица в народе: «На думах стал, как на вилах». И не случайно большой художник русский Виктор Васнецов изобразил витязя в глубоком раздумье «на распутье» — развилине дорог: направо пойдёшь... налево пойдёшь...

Что там говорить, всю жизнь стоим на этих самых вилах-развиллях. И в большом, и в малом. Даже если просто захочешь в оправдание своих грехов-пороков указать на обилие их в другом человеке, мудрые люди заметят тебе: на чужой сарай, мол, вилами не показывай... А то, что они, другие люди, якобы хуже, грешнее тебя, так это еще по воде вилами писано...

И лопата в руке его

1

Не знаю, как вы, братцы, а я в пору деревенского отрочества более всего не любил... копать картошку. Не скажу и теперь, что обожаю эту занудную работёнку, но просто смирился с нею. Отчасти потому, что моя нынешняя картофельная деляна в разы меньше тех, с которыми управлялась когда-то наша крестьянская семья в огороде и в поле. Но главное, пожалуй, оттого, что ныне я открыл (всё познаётся в сравнении) ещё более муторное занятие: копать землю — свои девять садовых соток. Вручную, железной лопатой...

— А разве прежде, в селе, не знал такого? — спросите вы.

Знал, конечно. Но дело опять же в объёмах и пропорциях. Сельский огород у нас по сути не копали лопатами. Отец каждую весну пахал его. Многие годы — конным плугом, пока в колхозных конюшнях водились кони, а в нашем дворе под навесом стоял однокорпусный плужок с двумя колёсами и гладкими, отполированными в ладонях пахарей рукоятями — «чапыгами». Или — «обжами», как говорили в древние, ещё «сошные» времена.

Как-то родитель мой и меня пытался приобщить к делу пахаря, и я прошёл бороздой два-три гона вдоль огорода, держась, словно за рога, за эти самые обжи-чапыги, но вспахал неважно. Плужный лемех, по-старинному «омешек» (у былинного ратая Микулы Селяниновича, вспомним, «сошка кленовенькая» «поскрипывает, да по камешкам омешики почиркивают»), то и дело норовил при встрече с тем же камешком или корешком выскользнуть из земли и выбить из рук

моих чапыги. Я невольно дергал вожжи, смущая Савраску, который в недоумении то останавливался, то шарахался в сторону. И напрасно тогда, путаясь в вожжах да обжах, кричал я по-мужицки басовито: «В борозду!». Пласт с отвала уже шёл со сбоями, и в борозде под моими ногами появлялись твёрдые гребни, а на чёрной пашне — серые проплешины. Отец успокаивал: ничего, мол, приноровишься ещё, однако мягко перехватывал у меня вожжи и сам брался за чапыги. Савраска тотчас, без всяких «басовитых» команд, возвращался в борозду, и отец, держась её, уходил за плугом в конец огорода. Очередной взрезанный пласт словно бы сам собой прилегал к дымящейся пахоте.

Нам с сёстрами и матерью оставалось взрыхлить лопатами лишь закраины огорода, где проходу Савраски с плугом уже мешала изгородь. Но это была неширокая полоска, от силы — в сажень. Вскопать её особого труда не составляло. Тем более — дружной семейной артелью, под своиские шутки и взаимные подначивания...

И совсем другое дело — сегодняшние мои сотки. Это ж сколько раз, кто бы посчитал, надо поставить лопату, надавить ногой на её плечико, чтоб она ушла в землю на весь штык, затем вывернуть пласт, положить рядом с предыдущим, да еще ударить раз-другой ребром или плашмя, разбивая комья. Притом всё — в наклон, в наклон. И вот когда разогнёшь усталую спину — передохнуть чуток, невольно тянет на философские размышления по поводу лопаты, её происхождения и роли в судьбах человеческих...

Любопытен, скажем, такой момент. Археологи в культурных слоях земли, относящихся к палеолитам-неолитам, когда ещё не было ни бронзы, ни, тем более, железа, находят всякие первоинструменты из камня — топоры, ножи, скребки, шильца, копья, но что-то не слышал я о каменных лопатах. Были ли они? Знатоки древности толкуют, что первые земледельцы якобы орудовали суковатыми палками. Но это лишь досужее предположение, ибо те палки не сохранились, и никто их не видел. А если они и были, то, думается, недолго. Ковырять землю сучком ещё тяжелее и надоеднее, чем нынешней железной лопатой, и потому человек поневоле стал шевелить мозгами, соображая, чем бы его заменить. Ведь по сути всякое изобретательство подталкивалось ленью-матушкой. И вот вместо этой пра-лопаты, суковатой палки, придумал человек соху. Сперва заставил буйвола или лошадь волочить по целине тот же сучок, только большой, взрыхляя им почву, а потом, когда появился металл, приделал сошник. Получилась соха. И повсюду в мире пошли за нею пахари. А по Русской земле — свои ратаи Микулы Селяниновичи, столь могутные мужи, что и вся хоробрая дружинишка Вольги не могла их «сошку с земельки повыдернута, из омешиков земельки повытряхнута».

Лопата же, как представляется, изобретённая наряду с сохой, не выдержала соперничества с нею в качестве основного земледельческого орудия. И время определило ей более узкую роль — инструмента для вскапывания небольших участков, посадки клубней, кустарников и деревьев. А за пределами земледелия — для копки всяких ям, канав и траншей.

Понятно, что мы пока говорим о железной лопате, которую еще называют заступом. Почему так, наверное, объяснять не надо. Каждый, бравший в руки ло-

пату, убеждался на опыте, что она сама в землю не идёт, покуда не поможешь ногой, не «заступишь» её специально выгнутое плечико. Отсюда и заступ. Ну, а лопата, должно быть, от «лопасти» — расширенной оконечности продолговатого предмета. Вспомним, что лопастью заканчивается и весло. Правда, у лопаты эту расширенную часть, приходилось слышать, в народе зовут еще и «лопатнёй», и — более благозвучно — «лопатицей». Древко же старые люди именовали «лопатищем» (очевидно, по аналогии с топорищем, косовищем), теперь чаще зовут просто черенком или рукоятью.

Железных лопат в ходу множество. Они довольно различны по форме, которая, как правило, определяется спецификой их применения. Положим, обычную «огородную» лопату для копки земли не случайно называют еще и штыковой. Режущая овальная часть у неё, сходясь книзу, заканчивается почти штыковидным остриём. Зачем бы это? Да, ясное дело, затем же, чтобы лопатка легче шла в почву. И когда говорят, что земля вскопана «на штык», то имеют в виду — на всю длину лопатного железка. Кстати, мне сдаётся, что выражение «давить на всю железку» родилось задолго до появления автомобилей и первоначально означало отнюдь не давление на рычажок акселератора («дать газу до откату»), а на неё, родимую — штыковую лопату с заострённым железком.

Поскольку ныне мы, кустари-одиночки без мотора, свой садовый участок копаем исключительно лопатами, то я держу их целый набор. На каждого «возможного» копальщика по «штыку» — на себя, на сына, на внука... Включая и хозяйку, которая, верно, освобождена от прямой копки огорода, но орудует лопатой в более тонких операциях — делает грядки, прихлопывает посеянные семена, ровняет дорожки. И лопата её отличается от наших мужских — имеет более короткий и тонкий черенок.

Забавно, что у нас в России до сих пор не перевелись умельцы, которые, наравне с изобретателями вечного двигателя, пытаются если не изобрести новую лопату, то усовершенствовать действующую, с тысячелетним стажем.

Среди особо «продвинутых» приходилось, к примеру, видеть (притом — заводского изготовления!) такую, у которой середина была вырезана напрочь, так что от лопатки осталась только железная рамка по периметру. Замысел безмянного Кулибина состоял, видимо, в том, чтобы, во-первых, облегчить лопату, а во-вторых, улучшить рыхление почвы благодаря её перманентному провалу в отверстие. Но когда я сам попробовал это чудо-орудие в действии, попросив на минуту у соседа по даче, то не обнаружил ожидаемых преимуществ. Напротив, проваливание взрезаемой земли в «чёрную дыру» только мешало привычному процессу копки, а комя всё равно приходилось разбивать дополнительным пристуком. Да и дыра эта по сути сужала возможности лопаты, делая её уже непригодной, к примеру, для перебрасывания той же земли, песку или других «сыпучих тел», как это написано ещё в далевском словаре. А в нём, напомню я вам, лопата определяется именно как универсальный «лопастый снаряд для копки, выгребу, навалки и пересыпки сыпучих тел».

Впрочем, для «выгребу» да «пересыпки» среди железных имеются и специальные лопаты — подборная или совковая. Их определения говорят сами за себя. Совковая тем и отличается от штыковой, что лопасть у неё похожа на плоскодонный совок с бортиками по бокам. Подобные жестяные бортики разной высоты имеют и все подборные лопаты, которыми «подбирают» что-либо: землю, гальку, уголь. Они «захватистее» совковых.

И недаром самую широкую из них иронически называют «стахановкой», по фамилии знаменитого шахтёра советских времен, рекордсмена по выдаче на-гора донбасского угля. Видимо, также от подобных лопат, пошёл в народе и шуточный совет всякому грабарю: бери больше — кидай дальше...

Кстати, слово «грабарь» в наших местах малоупотребительно и носит некоторый книжный оттенок, как и «грабарка» — дроги с ящиком для перевозки земли. У нас о человеке с лопатой скорее скажут «землекоп», а двуколку с деревянным кузовком назовут «таратайкой». Название это звучит вроде бы полунасмешливо и непочтительно (не по созвучию ли с тараторкой?), но содержит, по-моему, вполне серьёзный смысл: телега, которая «тару» в себе «таит». К тому же — самосвальную (!), что делает её порою просто незаменимой. Допустим, в мелком дорожном ремонте...

Мне в отрочестве, когда отец мой, колхозный бригадир-полевод, отвечал ещё и за состояние дороги на нашей улице, приходилось, выполняя его «наряды», насыпать щебнем, гравием с песком ухабы и колдобины. Так вот, эти «инертные материалы» я возил на таратайке, влачимой лошадьё. Очень удобная повозка. Подъехал к рытвине, опрокинул кузов, подвижный на оси и подсильный любому пацану, разгрёб лопатой кучку — и все дела.

На обратном пути в порожней таратайке я даже умудрялся полежать, помечтать, глядя в небо. Лошадь сама знала дорогу к гравийному складу, ею не нужно было править. И, помнится, был такой случай. Опростал я свою таратайку и направился за новым грузом. Полёживаю в ней, считая облака. Лошадь шагает себе неспешно вдоль деревни... Но вдруг — стоп! — остановилась. Я, не меняя позы, прикрикнул на неё — она стоит, подёргал за вожжи — она ни с места. И тогда я нехотя поднимаюсь в кузовке, похожем на совковую лопату, и... аж волосы дыбом! Возле самого колеса, огромного, как у египетской колесницы, в верхке от деревянной оси, выпирающей из ступицы, замерла крохотная девочка-замарашка и с удивленьем смотрит на мой агрегат.

Меня словно пружиной выбросило из таратайки, я подхватил девчущку и отдёнул, почти отбросил на обочину, подальше от колеса, которое могло бы раздавить её, как муху. Хотя моя запоздалая спешка была излишней. Старая лошадь-умница и без меня спасла эту глупенькую любопытную Варвару — остановила таратайку перед самым её носом, «снутым» было в чудо-юдо, катившееся по дороге.

3

Однако вернёмся к нашим лопатам. Только уже не к железным, а к деревянным, которые у нас чаще первых используют для «выгребу, навалки и пересыпки», по крайней мере, таких «сыпучих тел», как зерно или снег.

По устройству лопаты деревянные — совершенно особые орудия. У них обычно нет отдельных лопастей и рукояток, инструмент выступает как единое целое и даже, можно сказать, монолитное. Деревянные лопаты не просто выстругивают, а «выделывают», притом особые столяры — лопатники, проявляя незаурядное мастерство. Отец мой лишь изредка брался сам за деревянную лопату и, как правило, мастерил её не в домашней, а в колхозной столярке, где имелись верстаки с большим набором приспособлений, специальные инструменты и заготовки. Дело в том, что лопата деревянная — это не просто плоская лопасть с черенком. Такие

делают разве что для сельских хозяек, сажающих в русскую печь подовые булки да противни с шаньгами, и зовут «пекарными». Рабочие же лопаты для «пересыпки» имеют более сложную конфигурацию. «Хлебные», то есть те, которыми «лопатят», ворошат и провеивают зерно, выглядят таким пологим желобом или совком, и черенок у них не прямой, как палка, а с прогибом, который придаёт им остойчивость в руках.

Ох, и красивы же бывают белые деревянные лопаты, сработанные настоящим мастером. Всё в них на диво ловко и соразмерно — от вогнутой лопатки, напоминающей старинную точёную ложку, до покатых и округлых «плечиков», гармонично переходящих в черенок с изгибом, изящным, как шея Нефертити...

Впрочем, красота эта не самоцельна, она выступает только внешним проявлением удобства сего инструмента, что и ценится в первую очередь всяким, берущим его в руки. А селянам в мои времена приходилось это делать довольно часто. В страдную пору на полевых токах и на дворах сушилок скапливалось огромное количество зерна. Веялки, сортовки да клейтоны с ручным приводом не справлялись с этакой его прорвой. И потому, чтобы не согрелось и не загорело зерно в золотых ворохах, его постоянно ворошили, перекидывали с места на место, то есть — лопатили.

И само слово это уже говорит, что орудовать приходилось не чем иным, как той самой лопатой — деревянной, хлебной, захватистой и желобистой. И именно такими лопатами, к примеру, работают истово сельские женщины, облитые солнцем, загорелые, с подоткнутыми подолами, на известной картине советской художницы Татьяны Яблонской «Хлеб».

Той же лопатой деревянной, бывало, брали на мельницах «лопатное» — натуральную плату за помол зерна: с каждого мешка — по лопате. И, возможно, отсюда взяла начало поговорка: «Всякого жита — по лопате»...

Хотя, как уже было замечено, у нас в России, а тем более в Сибири, есть у деревянной лопаты, кроме хлебной, другая, не менее важная служба — снежная: разгрести завалы снега, чистить дорожки после снегопада, а то и «пробивать» их в наметённых сугробах. Именно этим словцом определил мой родитель последнее задание себе на грядущий день. Он всегда с вечера, перед отходом ко сну, садился за стол и, придвинув лампу поближе, планировал предстоящие работы, записывая их в тетрадку. И когда отца проводили выюжным февралём в последний путь, я, разбирая его бумаги, нашёл и последний его план, который он начал с насущного пункта: «Пробить старухе дорожку к колодцу». Не пробил... Это пришлось сделать мне. Отцовской деревянной лопатой.

Теперь городские дворники, я вижу, убирают снег особыми «снежными» лопатами, широченными, позахватистей даже «стахановок», но неуклюжими и непрочными — по сути просто кусками фанеры, прибитыми к палкам. В сёлах же по-прежнему многие хозяева разгрывают забои-сувои настоящими деревянными лопатами. Незаменимыми, ловкими и «многопрофильными».

Так что скорее деревянная лопата имела в виду теми, кто первыми «откатали» такие народные поговорки и поговорки, как «мужик богатый, гребёт деньгу лопатой», «что батюшка лопаткой сгребал, то сынок тросточкой расшвырял», «у Ипата борода лопатой», «в лесу живём, в кулак жнём, пенью кланяемся, лопате молимся», и ещё многие...

Ну, а уж среди лопат и лопаток, употребляемых в переносном смысле этих слов, зачастую трудно и даже невозможно отделить железные от деревянных. По-

ложим, в лопатке, означающей тот старинный «брусок» для заточки кос, который представлял собою дощечку, усыпанную по смоле песком, явно просматривается деревянная. В лопатке, означающей в иных местах мастерок (жестянку с ручкой), — скорее железная, тот самый заступ.

А вот в лопатке гороха, в смысле — молодого стручка, уже просто заключена первооснова любой лопаты — лопасть или, по-старинному, лопатня — нечто плоское и расширенное.

4

Всех «метафорических» лопат-лопатонок, существующих в природе, нам не назвать, их бесчисленное множество. Но вспомним хотя бы самые близкие. Скажем, те лопатки, что все мы носим за плечами — в виде плоских треугольных костей на рёбрах по обе стороны хребта. К ним так удобно и надёжно подвешены плечевые кости. И потому нас не просто положить на лопатки. И мы можем при случае удирать во все лопатки. А то и, взнуздав лошадь, у которой к лопаткам, как у всех животных, прикреплены передние ноги, гнать во все лопатки. Если продолжить «животный ряд», то, допустим, у лося, лопатой или лопаткой называют также отросток на рогу, который он «выносит» на третий год. А у овцы лопатными называют передние зубы — пару резцов, которые появляются на втором году вместо молочных.

Речники лопатой именуют подводную косу или песчаный нанос, что обычно образуется перед устьем реки. Картёжники — пиковую (винёвую) масть в картах. У плотников особое напарье, с буравом — ложкою, для удобного сверления ступиц к деревянным колесам носит название лопатень. А лопатиной подчас зовут тесло, особый вид топора, с изогнутым лезвием, перпендикулярным топорищу. Впрочем, лопатиной у нас зовут и конец оврага, водороины, выходящих в реку. И тут смысл понятен. А вот почему иногда называют лопатиной верхнюю рабочую одежду — объяснить трудно...

Весьма примечательно, что в присловьях и пословицах, в поверьях и гаданиях лопата нередко сопряжена с чем-то мистическим, таинственным и мрачным, грозящим опасностью. В особенности — железная. Скорее всего это объясняется тем, что заступом ведь копают не только огороды и канавы, но и последние наши прибежища — могилы. Отсюда и такое, к примеру, суеверие: когда гремит гром — выноси лопату во двор. Подальше от людей. Или вот «примета» в ворожбе: выпал пиковый туз «лопат» — значит, к покойнику. О ветхом же годами, о больном человеке, явно готовящемся на тот свет, отзываются присловьем: «На старого Потапа выросла лопата». Или говорят ещё угрюмой: «Глядит под заступ»...

Но даже и деревянная лопата, не имеющая отношения к копанию могил и захоронению усопших, порою овеяна некой мистикой и сакральностью. Помните, это ведь её подразумевал Иоанн Креститель, когда, отвечая народу на вопрос, не Христос ли он, говорил о Грядущем Спасителе (Мф.3:11-12): «Он будет крестить вас Духом Святым и огнем; лопата Его в руке Его, и Он очистит гумно Свое, и соберет пшеницу Свою в житницу, а солому сожжет огнем неугасимым»... Так что впереди всех нас ждёт лопата, если не на погосте, то на Страшном суде.